

1

Я ставлю мяч на точку пенальти. Смотрю на него и чувствую, как капля пота медленно стекает по моему лбу. Я слышу крики вокруг себя:

— Давай, Пакет!

И думаю: «Я должен, должен, должен забить его во что бы то ни стало...».

Это очень важный пенальти, последний в сезоне, и мне надо его забить.

Я поднимаю голову.

Смотрю на ворота и чувствую, как меня охватывает тоска. Передо мной стоит исполинский голкипер, почти вдвое больше меня. Его тело практически полностью загораживает ворота. А длинные руки

машут в разные стороны: явно, чтобы сбить меня с толку. Но самое ужасное, что этот гигантский дедина... мой отец! Только не подумайте, что я вам тут свой сон рассказываю, ночной кошмар или что-то в этом роде. Всё это происходит в реальности и носит ужасное название «Детско-родительский матч». Последняя, кстати, наша игра в сезоне. Сейчас утро воскресенья. Дело происходит на поле школы Сото Альто, нашей школы. Некоторые считают, что детско-родительский матч не такой важный, потому что не является официальным. Скажу вам прямо: те, кто так думает, глубоко заблуждаются. Начать с того, что проходит этот матч всегда в начале летних каникул. А это значит, что те, кто выигрывает, всё лето потом отпускают шуточки в адрес проигравших.

Но главное даже не это, а то, что ставки в этом году высоки как никогда. Дело в том, что летом у нас запланировано путешествие для всей команды. И то, куда мы поедем, напрямую зависит от того, как мы сыграем. Если мы облажаемся, направление будут выбирать наши родители. А они, как известно, повезут нас в Рим. Станут таскать нас там по музеям и заставляя фоткаться у развалин. А мы всю поездку будем умирать от скуки. Нет, мы ничего не имеем против всех этих «полезных для кругозора» экскурсий, но только не в конце года, пожалуйста, только не в конце!

Но зато если уж мы выиграем, то сможем сами ткнуть пальцем в глобус (в пределах разумного, конечно), и тут уж мы своего не упустим! Мы выберем поездку в парижский Диснейленд! В самое лучшее место на свете! Там есть удивительные

— Это великолепно, вот увидишь! — сказала она.

— Да-да, с другой стороны, это всего лишь цирк... — начал я, но продолжить не смог, потому что в этот момент я услышал сильный грохот, доносящийся с улицы. Потом послышались крики. Я вышел на балкон и посмотрел вниз.

То, что я увидел, заставило меня открыть рот от изумления и потерять дар речи. Вся площадь была занята артистами Огненного цирка. Кого там только не было: и музыканты, и канатоходцы, и дети верхом на лошадях, и всевозможные животные... Но главное, там был огонь... Много огня. Повсюду.

Я стоял на балконе, выходящем на площадь, и видел сотни людей, наблюдавших за цирковым парадом. В какой-то момент я почувствовал, что Алёна-не-путать-с-Еленой взяла меня за руку. Наверное, это не самая важная деталь, но я почему-то очень хорошо её запомнил. Тут в центр площади протиснулся человек в красном костюме и странном вытянутом цилиндре и принялся вещать с непонятным акцентом:

— Огненный цирк — это больше, чем цирк! Такого вы ещё не видеть!

Мужчина говорил в мегафон, который выглядел очень старым.

Вокруг него происходили всякие удивительные вещи. Там, например, был очень необычный оркестр, музыканты которого стучали в барабаны, вращаясь внутри огромных прозрачных шаров! Некоторые из них трубили в трубы, а двое даже играли на аккордеоне. В другой части площади бодро шли на руках десяток юношей и девушек, одетых в красное. Ну, как шли: одни из них ехали на велосипедах, выполняя стойку на руках. Другие катили руками какие-то цветные бочки, вытянув ноги к небесам. А третьи перебирали ладонями по земле: то есть, можно сказать, действительно шли.

Складывалось впечатление, что хождение на руках совсем их не утомляет. Эти люди улыбались так, будто это было самым обычным делом на свете.

— В Огненном цирке всё перевернуто с ног на голову: здесь люди ходят на руках, едят ногами, а спят в воздухе! Здесь земля, небо и море могут поместиться в один маленький стеклянный стакан. Здесь время замирает в сумерки. В солнечную погоду здесь все мокнут, а в дождь надевают купальники.

Тут я заметил огромный тёмно-красный ящик на колесах. Он был размером с один из тех переносных шатров, которые таскают за собой циркачи. Ящик за толстые цепи тащили несколько крупных мужчин в капюшонах. По тому, с каким видимым трудом они это делали, можно было понять, что груз был очень, ну просто очень тяжёлым.

примчалась полицейская машина с включённой сиреной.

Не сбавляя скорости, она сделала резкий поворот прямо перед нами. Всё это было очень странно. Мой отец почти никогда не включал сирену. И даже во время погони не ездил так быстро. И уж тем более не делал виражей. Следом за ним мимо школьного двора промчалась пожарная машина. Тоже с включённой сиреной. И тоже на дикой скорости. Она ехала так быстро, что её даже немного занесло на повороте. Один из пожарных, сидевший внутри кабины, жестом сделал нам знак отойти.

— Уйдите отсюда! По домам, живо! И не вздумайте ехать за нами! — крикнул он.

Обе машины направились к окраине города.

Что там могло случиться? Ещё один пожар? Интересно, где? Мы переглянулись и, ни слова не говоря, оседлали свои велики. Тут нечего было обсуждать. Пожарный сказал: «Не вздумайте ехать за нами». Значит, нужно было ехать, ехать во что бы то ни стало!

— Эй, подождите меня! — крикнул Тони.

ЧИПСЫ ПЕРНИА. Раньше этот знак был несколько метров в высоту. Сейчас он развалился на две части и горелыми обломками валялся на земле. Фабрика была в огне. Тони, никогда не выпускавший из рук свой электросамокат, бросил его валяться на земле. Бедняга стоял посреди улицы и смотрел, как горит дело всей жизни его отца. Огонь был повсюду. Пожарные изо всех сил орудовали шлангами, но языки пламени всё продолжали пылать, освещая всё вокруг тревожным сиянием.

Это был уже третий пожар за несколько часов. Третий и самый крупный из всех. Фабрика чипсов

Тони и Адожан со всех ног
бросились к мячу.

Мы принялись побадривать Тони:

Вперёд!

Давай!

Вперёд!

В это время с другой части
поля слышалось:

Футунк!

Футунк!

Ну, или что-то
в этом роде.

В итоге Адожан вырвался вперёд
с небольшим отрывом.

Видя, что соперник ускользает, он сделал ему
подножку, и тот со всего маху шлёпнулся
на землю. Раздался громкий звук —

Он что,
сломал ногу?

Короче говоря, мы вошли.

— Ищи, щенок... Искать! Кто виноват? Кто устроил пожар?

Улисс вилял хвостом и ходил из стороны в сторону, принюхиваясь.

Пол и стены были покрыты пеплом и пылью. Улисса это явно сбивало с толку. Мы поднялись на второй этаж. Туда, где, предположительно, всё началось. Когда мы ступили на пол второго этажа, я почувствовал, как он сильно заскрипел и зашатался под нами. Да... Не хватало нам сейчас только рухнуть вниз.

Я уже представил, как это будет выглядеть в новостях:

«Мэр, рискуя жизнью, спас любимого щенка.

А несколько часов спустя мальчик школьного возраста вернулся на то же место с той же собакой, проник в разрушенное здание, и оно рухнуло на них. Все погибли».

— Улисс, посмотри на меня, — сказал я в надежде, что пёс меня поймет. — Где именно начался пожар?

Улисс побежал куда-то по коридору, я за ним. Через несколько мгновений он остановился перед дверями кабинета.

— Гав! Гав!

Было тихо. Начинало темнеть. Вдали виднелся город. Я посмотрел вправо, чуть ниже. Там, в окружении деревьев, я увидел цирковой шатёр. Я немного приподнялся, чтобы получше рассмотреть его.

Это была очень большая зелёно-красная палатка. Совсем скоро должно было начаться шоу. Огненный цирк... В этот момент Улисс забрался на меня, и я посмотрел на него.

Я спросил:

— Ты сможешь мне узнать, кто устроил пожар?

Пёсик мэра повернулся, посмотрел на меня. И лизнул меня в нос. Я решил, что это означает «да». Солнце садилось. Приближалась ночь. Самая короткая ночь в году.

Ночь Святого Хуана. На Святого Хуана солнце садится позже, чем в любой другой день в году, а рассвет наступает раньше, чем когда-либо. Люди разводят костры, чтобы отпраздновать наступление лета. Они перепрыгивают через них. И загадывают желания. В этом году в Севилье-ла-Чике это должна была быть особенная ночь. Ночь, которую должны были запомнить на долгие годы. На окраине города висела огромная светящаяся вывеска: «ОГНЕННЫЙ ЦИРК».

Несколько прожекторов разных цветов освещали длинную грунтовую дорогу к воротам цирка. Гигантский красно-зелёный шатёр был виден

подумал, что то, что происходит сейчас вокруг, — это какое-то безумие. Мы были одеты в джинсы и футболки, играли на круглом поле, ещё и в окружении языков пламени. Что ж, по крайней мере, у нас был мяч, потому что иначе эту игру вообще трудно было бы назвать футболом.

Я двинулся вперёд. Огляделся и пасовал Тони. Не дав мячу коснуться земли, тот изо всех сил ударил по нему. Мяч полетел в сторону импровизированных ворот. Он шёл уверенно и ровно, ещё секунда, и это был бы гол! Но Вайнезе всё испортила. Голкиперша циркачей выскочила вперёд, вытянулась что есть мочи и ухватила мяч двумя руками!

По правде говоря, она была великолепной голкипершей. Тем временем остальные мальчишки принялись атаковать, прибегая к этим своим при-

ёмчикам, которые им так нравились. Адожан и рыжий мальчик с длинными волосами выстроились в стенку. Каждый раз, передавая мяч друг другу, они выполняли сальто. Так они и передвигались по полю: стенка, сальто, пас, сальто, пока не добрались до наших ворот. Томео хотел было перехватить мяч, но тот отскочил. Теперь вся надежда была на Камуньяса. Наш голкипер был не такого роста, как Вайнезе. Но он тоже был не промах. Короче говоря, наш Ушастый подпрыгнул, схватил мяч двумя руками и сказал:

— Мой!

Игра продолжалась долго. Мяч непрерывно летал от одних ворот к другим.

Вратари обеих команд делали отличные сейвы. Иногда мяч ударялся о верхнюю часть трапеции,

